

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.151.6>

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТА КОНЯ В БУРЯТСКОМ КРУГОВОМ ТАНЦЕ ЁХОР

Научная статья

Дашиева Л.Д.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-0492-7252;

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Улан-Удэ, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (dashieva2006[at]yandex.ru)

Аннотация

В данной статье рассматривается корреляция культа коня и кругового танца бурят ёхор (ёохор) в трех аспектах: текстах ёхорных песен, сопровождающих бурятский круговой танец, структуру и кинетику танца. Целью является отражение культа коня в бурятском круговом танце ёхор. Анализ вербальных текстов ёхорных песен, кинетической танцевальной модели и трехчастной структуры традиционного западнобурятского ёхора выявляет глубинные связи с культом лошади. Семантике припевных текстов ёхорных песен адекватна семантика кинетического канона с постепенным ускорением от медленного покачивания до быстрых скачков, основанного на подражании бегу коня, рыси, лося, изюбра, марала, оленя, сохатого. Об этом писали бурятские ученые Д.С. Дугаров, С.П. Балдаев, Т.Е. Гергесова.

Ключевые слова: культ коня, круговой танец ёхор, буряты.

REFLECTION OF THE HORSE CULT IN THE BURYAT CIRCULAR DANCE YOKHOR

Research article

Dashieva L.D.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0003-0492-7252;

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

* Corresponding author (dashieva2006[at]yandex.ru)

Abstract

This article examines the correlation between the horse cult and the Buryat circle dance *yokhor* (*yookhor*) in three aspects: the lyrics of *yokhor* songs accompanying the Buryat circle dance, the structure and kinetics of the dance. The aim is to reflect the cult of the horse in the Buryat circular dance *yokhor*. Analyses of the verbal texts of *yokhor* songs, the kinetic dance pattern and the three-part structure of the traditional West Buryat *yokhor* identify deep connections with the cult of the horse. The semantics of the kinetic canon with gradual acceleration from slow rocking to fast leaps, based on imitation of the running of the horse, lynx, elk, musk deer, maral, deer and elk, is adequate to the semantics of the refrain texts of *yokhor* songs. Buryat scientists D.S. Dugarov, S.P. Baldaev, T.E. Gergesova wrote about it.

Keywords: horse cult, circular dance hokhor, Buryats.

Введение

В настоящее время в современной бурятской науке изучение ритуально-обрядовых комплексов, связанных с различными культурами, приобретает актуальное значение. В начатом автором статьи исследовании культов животных и птиц обозначен междисциплинарный дискурс, который позволит изучить эти культуры с точки зрения бурятской этнографии, религиоведения, фольклористики и этномузыкологии, что, очевидно, будет способствовать выявлению разных семантических уровней изучаемого феномена [6, С. 391]. Культ животных и птиц отражается в религии, мифологии, традиционной культуре тюрко-монгольских народов.

Основная часть

В рассмотренном ранее культе коня были выявлены различные семантические аспекты шаманской мифологии, религии, культуры и музыкального инструментария бурят [8]. В изучении феномена культа коня особое внимание было уделено его отражению в генезисе и конструкции монгольского музыкального инструмента *моринхура*, аналогом которого является бурятский *хур* [8].

Образом волшебного коня пронизаны практически все жанры традиционной культуры бурятского народа: улигеры, мифы, легенды, песни, инструментальные произведения. Например, в героическом эпосе *улигерах* конь богатыря имеет небесное происхождение и обладает удивительными способностями мыслить, говорить, давать мудрые советы своему хозяину [3, С. 87-88]. Бурятские сказители *улигершины* исполняли сказания в сопровождении традиционного музыкального инструмента *хура*. «Подобно тому, как бубен шамана *хэсэ* был символическим воплощением мифического коня, на котором шаман поднимался в небесный мир, бурятский музыкальный инструмент *хур* как бы символизировал коня сказителя» [3, С. 88], [8, С. 95].

Целью данной статьи является отражение культа коня в бурятском круговом танце ёхор (в бурятской транскрипции ёохор). Семантический анализ проводится в трех аспектах: текстах ёхорных песен, сопровождающих бурятский круговой танец, структуре и кинетике танца.

Необходимо особо подчеркнуть, что в современной бурятской культуре круговой танец *ёхор* хорошо сохранился и до сих пор является любимым и популярным народным танцем, традиционно исполняющимся на свадьбах, праздниках, играх, некоторых шаманских обрядах. В монографии автора «Бурятский круговой танец *ёхор*: историко-этнографический, ладовый, ритмический аспекты» исследуются генезис и конструкция, семантика и обрядовая атрибутика, кинетика *ёхора*. Также представлен музыкальный анализ звуковысотно-ладовых и ритмических особенностей *ёхорных* песен, сопровождающих бурятский круговой танец [5].

В настоящее время с каждым годом популярность *ёхора* растет и приобретает особую актуальность в молодежной среде. Благодаря крупным проектам по сохранению уникального нематериального культурного наследия бурятского народа и социальным сетям, *ёхорная* традиция транслируется не только в России, Бурятии, Забайкалье и Иркутской области, но и во многих уголках мира [7, С. 26]. Так, каждый год в канун Сагаалгана в честь наступления Нового года по-восточному календарю проходит флэшмоб «Глобальный *ёхор*», который стал своеобразным способом интеграции тысяч людей в мировом пространстве. В этой связи перспективным и актуальным является проект Бурятского национального театра песни и танца «Байкал» «Ночь *ёхора*», играющего важную роль в решении проблемы сохранения, популяризации и трансляции бурятского кругового танца *ёхор* [7].

Рассмотрим отражение культа коня в припевных текстах западнобурятского *ёхора*, в которых отмечена одна характерная особенность кругового танца – подражание бегу какого-либо животного: рыси, лося, коня, изюбра, оленя и др. [9, С. 94]. Об этом писали бурятские исследователи этнограф, фольклорист и этномузыковед Д.С. Дугаров, фольклорист С.П. Балдаев, этнохореограф Т.Е. Гергесова.

По-видимому, неслучайно западнобурятский *ёхор* получил название *хатар наадан* («рысь-игра»). В семантике припевных текстов *ёхорных* песен отражается связь кинетики кругового танца с подражанием бегу таких диких животных, как лося, рыси, изюбра, марала, оленя, сохатого:

Таблица 1 - Пример 1

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.151.6.1>

Харганайн найгалгаар найгая	Наклоном кустарника
Хандагайн хатараар хатарая,	Будем нагибаться,
Бургааһанай найгалгаар найгая,	Рысью сохатого
Бугайн хатараар хатарая.	Будем плясать.
Хогон соодхо хонин дэли	Наклоном прутьев
Шууян мяаран байебди,	Будем склоняться,
Хондолой сааган бугайн дэли	Бегом марала
Урайһаа шууян байебди.	Будем плясать [1, С. 87].
Хандагайн хатараар хатарае,	Потанцуем, подражая бегу лося,
Харганын найгалгаар найгае.	Покачаем, подражая покачиванию кустарника [4, С. 74].

Таким образом, в поэтических текстах *ёхорных* песен, сопровождающих круговой танец бурят, прослеживается связь с культом животных.

В традиционной культуре тюркских и монгольских народов с культом коня тесно связан культ Мирового Дерева. Он имеет большое значение в мифологии, религии и фольклоре тюрко-монгольских народов, известен почти всем народам Европы, Азии, некоторым народам Африки и индейцам северо-западного побережья Канады [5, С. 61], [9, С. 124], представляет собой глубокое почитание ритуального дерева с богатой развесистой кроной (береза, сосна, ель, лиственница, красная ива – тамариск), одиноко растущего в степи или возле священных минеральных источников. Такие деревья буряты называли *онгон модон* (*онгон* – «бог, дух, изображение бога или духа»; *модон* – «дерево»), *бөө модон* («шаманское дерево»); *һаглагар модон* («развесистое дерево»). Буряты и монголы верили, что такие деревья имеют своих духов – хозяев (*онгонов*) и поэтому их ни в коем случае нельзя трогать, ломать ветки и сучья и тем более рубить [5, С. 124-125]. По древним космогоническим представлениям, Мировое Дерево является как бы центром Вселенной [4, С. 76]. По древней традиции кочевники плясали свои круговые танцы вокруг дерева, горы, костра, коновязи и др. *Сэргэ* – коновязь, представляет ритуальный деревянный столб с тремя зарубками: нижняя предназначена для лошади хозяина, средняя для лошадей гостей, а верхняя имеет сакральное значение, она предназначена для небесных лошадей богов [9, С. 256]. У бурят коновязь *сэргэ*, являясь одним из сакральных объектов, символизировала Мировое Дерево и часто в эпосе имела номинацию образа столба – жеребца *азарга сэргэ* или жеребца – березы *азарга сагаан хуһан* (*азарга* – «жеребец»; *азарга сагаан хуһан* – «могучая белая береза» или «жеребец - белая береза») [11, С. 35].

У якутов существовало божество, принадлежавшее к числу небожителей и считавшееся создателем и покровителем коней, а якутский бог *Джесегей* являлся олицетворением грозового неба и в эпосе *олонхо* он изображался в образе небесного жеребца. По-видимому, неслучайно исследователь якутского кругового танца *осуохя* Н.А. Стручкова связывает его происхождение с культом небесного коня, а танцевальные движения – с имитацией движений лошади [5, С. 61], [10].

Безусловно, культ коня наполнен особой сакральностью и является одним из важных источников изучения традиционной культуры бурят. Рассмотрим связь *ёхора* с этим культом на основе анализа структуры, вербального текста и кинетики бурятского кругового танца.

Традиционная структура *ёхора* или *наадана* состоит из трех разделов:

1. зачин в медленном темпе
2. средний раздел в умеренном темпе
3. заключительный раздел в быстром темпе [5, С. 62].

Танцоры *ёхора*, взявшись за руки, образуют круг. Начиная движение с левой ноги, медленно двигаются по ходу солнца слева направо. Свободно опущенными вниз руками танцующие производят взмахи в такт медленного ритма и легко покачиваясь из стороны в сторону, медленно двигаются по кругу и поют медленный зачин. Ольхонские буряты называют медленный *ёхор Даруу хатар* (от *даруу* – «уравновешенный, степенный»):

Таблица 2 - Пример 2

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.151.6.2>

Бугын хатараар хатарае,	Потанцуем, подражая бегу изюбра,
Бургааһанай ло найгалгаар	Покачаемся, подражая покачиванию
найгуулае.	тальяка.
Еэхэр, еэхэр, еэхэрэе.	Еэхэр, еэхэр, поехэрим.
Хандагайн хатараар хатарае,	Потанцуем, подражая бегу сохатого,
Харагааһанай ло найгалгаар	Покачаемся, подражая покачиванию
найгуулае	кустарника.
Еэхэр, еэхэр, еэхэрэе.	Еэхэр, еэхэр, поехэрим.

В семантике текста отражается кинетическая модель танца с подражанием бегу сохатого («*хандагайн хатараар хатарае*») и изюбра («*бугын хатараар хатарае*»). «Медленное покачивающееся движение танцующих из стороны в сторону, простой танцевальный шаг сочетаются с плавным ритмическим рисунком, в основе которого лежат внутритактовые синкопы» [5, С. 63].

Вторая часть – центральная и длительная по времени. К формульной кинетической модели танца прибавляются взмахи руками вверх и вниз. Темп танца ускоряется, танец становится динамичным и активным.

Таблица 3 - Пример 3

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.151.6.3>

Үндэр уулын оройһоо	Давайте танцевать до тех пор,
Үүрээ сайса хатарае,	Пока над горами высокими
Үргэн голой хюрууе	Рассвет не забрезжит.
Хайласарань хатарае.	Давайте танцевать до тех пор,
	Пока с лугов широких иней не сойдет.
Ай-дон, ай-доо ёролоо,	Ай-дон, ай-до, иноходью,
Ай-дон, ай-доо найбарлаан гэж.	Ай-дон, ай-до, трусцой [9, С. 87].

В данном тексте культ коня отражается в вербальном ряде двустрочного припева. Так, в первой строке словом *ёроолоо* дается указание на «беги иноходью», а во второй строке – *найбарлаа* – «беги трусцой». В текстах *ёхорных песен* встречаются *дукиа* – «беги хлынцой, семени» (*дугшаха* – «лениво рысить, семенить»; *дугшалга* – «рысца»); *хатара* – «беги рысью»; *харай* – «скачи галопом» [9, С. 96]; *жороолоо* – «иноходью» (от глагола *жороолхо* – «идти (бежать) иноходью (о лошади); семенить» [11, С. 233].

По мнению Д.С. Дугарова, «семантика припевных слов полностью совпадает с семантикой кинетического канона бурятского танца с его постепенным ускорением от медленного покачивания к быстрым скачкам» [9, С. 87].

Третья финальная часть кругового танца *ёхор* западных бурят исполняется в довольно быстром темпе и показательна в контексте отражения культа коня. По сведениям Д.С. Дугарова, эта завершающая цикл быстрая часть называлась *шангалгын дуун* («песни быстрого танца»), от глагола *шангалаха* – «поторапливаться», «ускорять темп» [9, С. 88]. Кинетическая модель третьей заключительной части *ёхора* заключается в прыжках и исполняется следующим образом: «танцоры плотно придвигаются друг к другу, согнутые в локтях руки тесно переплетаются, плечи чуть приподняты, корпус слегка наклонен вперед. Танец исполняется прыжками: левой ногой производится прыжок влево, а правая нога отбрасывается назад коленом вниз. Затем прыжок правой ногой вправо, а левая отбрасывается назад также коленом вниз. По нашему мнению, такое танцевальное движение напоминает лягающуюся лошадь, и его семантика, безусловно, связана с подражанием бегу лошади» [5, С. 64]. Неслучайно в народной терминологии *хатарха* означает «рысить», а кинетика *хатарха* – «прыгать, поочередно отбрасывая ноги назад». По мнению

известного бурятского хореографа Т.Е. Гергесовой, «такое движение напоминает бег лошади рысью или иноходью» [2, С. 15].

Заключение

Таким образом, строгая трехчастная структура традиционного *ёхора* западных бурят обусловлена устойчивым кинетическим каноном, основанном на постепенном ускорении движений танцоров от медленных покачиваний до быстрых скачков, напоминающего подражание движениям верховой лошади (от медленного шага к бегу рысью и иноходью). Проводя параллели с круговыми танцами сибирских народов, подчеркнем их сходство в семантике, трехчастной композиции, подражательной лексике, характерными для якутского кругового танца *осуохай*, эвенкийского *ёхорье* и долганского *хэйро*. Безусловно, это тема специального исследования.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии», № 121031000263-3).

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Funding

The article was prepared within the framework of the state assignment (project "Written traditions of the peoples of the Baikal region in the context of the historical and cultural heritage of Russia and Inner Asia", No. 121031000263-3).

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Балдаев С.П. Буряад арадай дуунууд (Бурятские народные песни) / С.П. Балдаев. — Улан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 1961. — Т. 1. Урданай дуунууд (Дореволюционные песни). — 289 с.
2. Гергесова Т.Е. Бурятские народные танцы / Т.Е. Гергесова. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. — 114 с.
3. Дашиева Л.Д. Традиционная музыкальная культура бурят: учебно-методическое пособие / Л.Д. Дашиева. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. — 188 с.
4. Дашиева Л.Д. Бурятский круговой танец *ёхор*: историко-этнографический, ладовый, ритмический аспекты: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02: защищена 02.03.2007: утв. 07.10.2007 / Дашиева Лидия Данииловна. — Новосибирск, 2007. — 268 с.
5. Дашиева Л.Д. Бурятский круговой танец *ёхор*: историко-этнографический, ладовый, ритмический аспекты / Л.Д. Дашиева. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. — 209 с.
6. Дашиева Л.Д. Культы животных и птиц в традиционной культуре бурят / Л.Д. Дашиева // Мир Центральной Азии — V: сб. науч. ст. / Науч. ред. А.П. Деревянко, Б.В. Базаров. — Новосибирск: СО РАН, 2022. — С. 391–394.
7. Дашиева Л.Д. Традиционная музыка как феномен историко-культурного наследия бурят / Л.Д. Дашиева // Музыковедение. — М., 2023. — № 9. — С. 24–29.
8. Дашиева Л.Д. Культ коня в традиционной культуре бурят / Л.Д. Дашиева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2024. — Вып. 2 (44). — С. 94–102.
9. Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят) / Д.С. Дугаров. — М.: Наука, 1991. — 300 с.
10. Стручкова Н.А. Формирование кинетического компонента в ритуальной практике: на примере генезиса якутского кругового хороводного танца *осуохай* / Н.А. Стручкова. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. Ун-та, 2005. — 234 с.
11. Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь / К.М. Черемисов. — М.: Сов. энциклопедия, 1973. — 804 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Baldaev S.P. Burjaad aradaj duunuud (Burjatskie narodnye pesni) [Buryat folk songs] / S.P. Baldaev. — Ulan-Yde: Burjaadaj nomoj hjebljel, 1961. — Vol. 1. Pre-revolutionary songs. — 289 p. [in Russian]
2. Gergesova T.E. Burjatskie narodnye tancy [Buryat folk dances] / T.E. Gergesova. — Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1974. — 114 p. [in Russian]
3. Dashieva L.D. Tradicionnaja muzykal'naja kul'tura burjat: uchebno-metodicheskoe posobie [The traditional musical culture of the Buryats: an educational and methodological guide] / L.D. Dashieva. — Ulan-Ude: Republican Printing House, 2005. — 188 p. [in Russian]
4. Dashieva L.D. Burjatskij krugovoj tanec johor: istoriko-jetnograficheskij, ladovyj, ritmicheskij aspekty [Buryat circular dance exor: historical and ethnographic, fret, rhythmic aspects]: dis. ... of PhD in Arts: 17.00.02: defense of the thesis 02.03.2007: approved. 07.10.2007 / Dashieva Lidija Daniilovna. — Novosibirsk, 2007. — 268 p. [in Russian]
5. Dashieva L.D. Burjatskij krugovoj tanec johor: istoriko-jetnograficheskij, ladovyj, ritmicheskij aspekty [Buryat circular dance exor: historical and ethnographic, fret, rhythmic aspects] / L.D. Dashieva. — Ulan-Ude: Publishing house of the BSC SB RAS, 2009. — 209 p. [in Russian]
6. Dashieva L.D. Kul'ty zhivotnyh i ptic v tradicionnoj kul'ture burjat [Cults of animals and birds in the traditional culture of the Buryats] / L.D. Dashieva // Mir Central'noj Azii — V: sb. nauch. st. [The World of Central Asia — V: collection of scientific articles] / Sci. ed. by A.P. Derevjanko, B.V. Bazarov. — Novosibirsk: SB RAS, 2022. — P. 391–394. [in Russian]

7. Dashieva L.D. Tradicionnaja muzyka kak fenomen istoriko-kul'turnogo nasledija burjat [Traditional music as a phenomenon of the historical and cultural heritage of the Buryats] / L.D. Dashieva // Muzykovedenie [Musicology]. — М., 2023. — № 9. — P. 24–29. [in Russian]
8. Dashieva L.D. Kul't konja v tradicionnoj kul'ture burjat [The cult of the horse in the traditional culture of the Buryats] / L.D. Dashieva // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. — 2024. — Iss. 2 (44). — P. 94–102. [in Russian]
9. Dugarov D.S. Istoricheskie korni belogo shamanstva (na materiale obrjadovogo fol'klora burjat) [Historical roots of white shamanism (based on the material of ritual folklore of the Buryats)] / D.S. Dugarov. — М.: Nauka, 1991. — 300 p. [in Russian]
10. Struchkova N.A. Formirovanie kineticheskogo komponenta v ritual'noj praktike: na primere genezisa jakutskogo krugovogo horovodnogo tanca osuohaj [The formation of the kinetic component in ritual practice: on the example of the genesis of the Yakut circular round dance osuohai] / N.A. Struchkova. — SPb.: Publishing House of St. Petersburg University, 2005. — 234 p. [in Russian]
11. Cheremisov K.M. Burjatsko-russkij slovar' [Buryat-Russian dictionary] / K.M. Cheremisov. — М.: Soviet Encyclopedia, 1973. — 804 p. [in Russian]